

ВЫВЕРЕННОСТЬ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ КАК ОСНОВА ЭФФЕКТИВНОЙ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

В статье автор присоединяется к мнению о самостоятельности категории «уголовно-процессуальная политика», которая реализуется путем формирования уголовно-процессуального законодательства и посредством практики его применения. Отмечается, что современные конструкции процессуального порядка задержания лица по подозрению в совершении преступления, возбуждения уголовного дела и производства дознания в сокращенной форме отрицательно сказываются на осуществлении уголовно-процессуальной политики. Обосновывается ошибочность мнений о возможности задержания лица по подозрению в совершении преступления до возбуждения уголовного дела и о расширении как поводов для возбуждения уголовного дела, так и перечня проверочных действий на стадии возбуждения уголовного дела. Предлагается авторское видение изменения процессуальных конструкций на затронутых этапах производства.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная политика, задержание лица, процессуальный статус, возбуждение уголовного дела, участники доследственной проверки.

A.N. Ratkov

ACCURACY OF PROCEDURAL CONSTRUCTIONS AS A BASE OF EFFECTIVE CRIMINAL PROCEDURAL POLICY

The author shares the opinion about independence of category of «criminal procedural policy», which is fulfilled by means of formation of criminal procedural legislation and practice of its enforcement. It is noted that modern concepts of proceedings of detainment on suspicion of committing a crime, initiation of criminal proceedings and conduct of inquiry in abbreviated form are negatively influence implementation of the criminal procedural policy. The author proves the fallibility of opinion about probability of detainment on suspicion of committing a crime before initia-

tion of criminal proceedings and expansion of both causes for initiation of criminal proceedings and list of verification actions at the stage of initiation of criminal proceedings. Some changes of procedural constructions of discussed stages of proceedings are proposed.

Keywords: criminal procedural policy, detention of a person, procedural status, initiation of criminal proceedings, pre-investigation participants.

Определение организаторами конференции ее темы, посвященной уголовно-процессуальной политике, свидетельствует о признании за ней права на самостоятельное существование, хотя до сих пор многие ученые по-прежнему считают уголовно-процессуальную политику элементом всеохватывающей уголовной политики. Несмотря на то, что понятие уголовно-процессуальной политики давно и достаточно прочно вошло в научный оборот [1], современные исследователи данного феномена отмечают, что «Термин «уголовно-процессуальная политика» крайне редко встречается в юридической литературе. В лучшем случае об отдельных элементах реальной уголовно-процессуальной политики говорят, рассуждая об уголовной политике государства» [2, с. 9]. Профессор А.И. Бойко, например, рассматривая бытующую в обществе нравственность как одну из принципиальных установок, определяющих уголовную политику, отмечает: «Это – та материя, которая предопределяет многое: сравнительную цену охраняемых благ, структуру уголовного закона, размеры карательного реагирования, уголовно-процессуальные конструкции и технологии, систему пенитенциарных учреждений, предубеждения обвинителей и защиты, экзальтацию или холодность общественного мнения о борьбе с преступностью» [3, с. 102–103].

Другие исследователи (Г.Ю. Лесников, Г. Колобов, Д. Корецкий и иные), рассуждая об уголовной политике и борьбе с преступностью, одним из направлений ее осуществления также называют уголовно-процессуальное законодательство и деятельность правоохранительных органов и судов.

Однако, как представляется, следует согласиться с выводом О.З. Челохсаева о том, что уголовно-процессуальная политика производна от уголовной политики и связана с ней множеством нитей, но в то же время является самостоятельной сферой правовой политики, проявляющейся в системе законодательно сформулированных основ-

ных начал (идей, принципов) уголовного процесса, реализуемых в нормах уголовно-процессуального права и в уголовно-процессуальной практике [2, с. 10, 13]. То есть, реализуется уголовно-процессуальная политика путем формирования уголовно-процессуального законодательства и посредством практики применения положений этого законодательства. Следовательно, любые изъяны в закреплении регламента уголовно-процессуальной деятельности, порождаемая некачественным законотворчеством порочная правоприменительная практика, допускаемое законом свободное (не единообразное) толкование норм УПК РФ отрицательно, если не губительно, сказываются на эффективности уголовно-процессуальной политики.

Одним из ярких тому примеров является регламент применения такой меры процессуального принуждения, как задержание. Основания, условия и порядок задержания лица по подозрению в совершении преступления, казалось бы, ясно прописаны в ст. 91–96 УПК РФ. Но ясность эта обманчива.

Во-первых, законом абсолютно не регулируется статус задерживаемого лица с момента его фактического захвата на месте предполагаемого правонарушения и до момента доставления его в соответствующий орган дознания или к следователю. Только «После доставления подозреваемого в орган дознания или к следователю, — начинаются законодательные предписания в ч. 1 ст. 92 УПК РФ, — в срок не более 3 часов должен быть составлен протокол задержания...» [4–6].

Во-вторых, если согласно тому же УПК РФ подозреваемым лицо становится после составления протокола о его задержании (п. 2 ч. 1 ст. 46, ст. 91 и 92 УПК), то в орган дознания или к следователю доставлено лицо, которое подозреваемым еще не является. Уголовно-процессуальный закон не дает ответа на вопрос о том, каков статус такого лица в этом случае. А раз так, нет у этого лица ни прав, ни обязанностей, хотя его личная неприкосновенность существенно уже ограничена.

В-третьих, недоговоренность законодателя при определении процедуры задержания до сих пор позволяет некоторым авторам допускать возможность задержания лица до возбуждения уголовного дела. Так, В.А. Семенцов указывает, что «в УПК РФ 2001 г. нет запрета на применение фактического и процессуального задержания до возбуждения уголовного дела» [7, с. 101].

Б.М. Бургер делает вывод о том, что проведение следственной проверки может сопровождаться и применением меры уголовно-процессуального принуждения в виде задержания подозреваемого [8, с. 212].

Знакомство с подобными приведенным толкованиями норм уголовного процесса приводит начинающих юристов к мысли о том, что задержание может быть фактическим и процессуальным и в стадии возбуждения уголовного дела допустимо фактическое задержание лица, подозреваемого в совершении преступления, с последующим возбуждением уголовного дела в течение 3 часов с момента доставления данного лица в орган дознания или к следователю [9, с. 350, 351].

При этом, как уважаемые маститые ученые, так и начинающие исследователи почему-то не замечают, что полное название данной меры принуждения – задержание лица по подозрению в совершении преступления (ст. 91 УПК). Каким образом на основании норм УПК РФ можно произвести задержание лица до уяснения характера совершенного этим лицом деяния? Если уголовное дело еще не возбуждено, значит еще нет правовой оценки совершенного деяния как преступления, еще нет оснований для возбуждения уголовного дела, а, следовательно, и для задержания по подозрению в совершении преступления. В противном случае получается, что вывода компетентных должностных лиц о том, что совершено преступление еще нет, но уже есть задержанный по подозрению в совершении ни какого-либо правонарушения, а именно преступления. Задержание лица до возбуждения уголовного дела «приговаривает» вынести решение о наличии состава преступления, когда фактически в совершенном деянии признаков состава нет, дабы избежать обвинения в незаконном задержании. Именно такая практика применения норм уголовно-процессуального законодательства искажает представление о добропорядочности уголовно-процессуальной политики.

Не «работают» на положительный имидж уголовно-процессуальной политики и современные конструкции возбуждения уголовного дела и производства дознания в сокращенной форме, из которых в заданном объеме статьи удается коснуться лишь стадии возбуждения уголовного дела.

О незащищенности и несправии участников современной проверки сообщения о преступлении, допускающей теперь чрезмерно обширный набор средств получения проверочной информации, в ли-

тературе сказано немало [10–16]. Однако по-прежнему несть числа предложениям об обустройстве этой стадии. Новая волна таких предложений поднялась после очередных изменений и дополнений, внесенных в УПК РФ в марте 2013 года. Среди какофонии этих предложений есть ожидаемые и понятные, но появляются и такие, с которыми нельзя согласиться изначально, сразу же после прочтения названия статьи, в которой пытаются обосновать нововведения. Например, в журнале «Российский следователь» № 19 за 2016 г. опубликована статья Д.А. Варнавского «Индивидуализация поводов для возбуждения уголовного дела» [17]. Автор, присоединившись к мнению других процессуалистов, предлагающих ввести более подробный перечень поводов для возбуждения уголовного дела, считает, что «в настоящее время с учетом специфичности возбуждения уголовных дел по факту совершения преступления, предусмотренного ст. 145.1 УК РФ (невыплата заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат), имеется острая необходимость выделения в качестве самостоятельного повода для возбуждения уголовного дела по ст. 145.1 УК РФ – направление материалов федеральным государственным органом по надзору за соблюдением трудового законодательства и его территориальными органами (государственной инспекцией труда)» [17, с. 8]. Создается впечатление, что при обсуждении проблем стадии возбуждения уголовного дела иногда наступает перевозбуждение у инициаторов очередных нововведений. Если пойти по предлагаемому пути, то можно будет, чуть ли ни к каждой статье УК РФ придумать свой специфический повод.

Острую необходимость автор увидел в том, что «...граждане в соответствии с установленной подследственностью обращаются с заявлением о невыплате заработной платы свыше установленного законом срока в территориальные органы Следственного комитета Российской Федерации, что создает объективные трудности при его проверке в связи с отсутствием законодательного урегулирования возможности проведения ряда следственных действий, необходимость в производстве которых возникает до возбуждения уголовного дела» [17, с. 8]. Далее Д.А. Варнавский описывает какие конкретные следственные действия хотелось бы проводить на этом этапе, но никак не обосновывает каким образом разрешить увиденную им проблему поможет именно «направление материалов государственной инспекцией труда». То есть, начинает автор с необходимости введения допол-

нительного повода для возбуждения уголовного дела, а заканчивает сетованиями на то, что вновь и в современном порядке проверки сообщения о преступлении маловато следственных действий, которые разрешено проводить до возбуждения уголовного дела. При этом автором отмечается, что внесение в ч. 1 ст. 140 УПК РФ и им предлагаемых дополнений позволит «исключить случаи необоснованного проведения проверок сообщения о преступлении» [17, с. 7].

Как ярко при этом не согласуется вывод автора с его предложениями. Случаями необоснованного проведения проверок сообщения о преступлении как раз и выступают следственные действия, проводимые до того момента, когда становится ясным содержатся ли вообще в заявленном событии признаки конкретного состава преступления. Необоснованное расширение законодателем перечня допускаемых до возбуждения уголовного дела следственных и иных, не пойми каких, действий, вовсе не должно служить основанием для превращения стадии возбуждения уголовного дела в стадию предварительного расследования.

Давно назрела необходимость переименования, как самой стадии возбуждения уголовного дела, так и ст. 144 УПК РФ, потому как на этапе производства, именуемом «стадией возбуждения уголовного дела», дело возбуждается далеко не всегда и само возбуждение дела не является самоцелью, а порядок проверки, закрепленный в ст. 144 УПК РФ, потому и существует, что поступившая информация требует уточнения на предмет того, содержится ли в сообщаемом событии признаки какого-либо преступления. Поэтому не может в такой норме речь идти о проверке сообщения о преступлении, так как во многих случаях собранная информация о ставшем известном событии остается просто происшествием, не содержащем в себе признаков преступления. А раз это еще не преступление (приходится повторять прописные истины), то и проводить действия, вторгающиеся в охраняемые законом права и свободы граждан, недопустимо. Наиболее принудительный характер заложен в следственных действиях, почему и разрешалось на протяжении длительного времени до возбуждения дела проводить единственно возможный осмотр места происшествия. Ратовать и сегодня за дальнейшее расширение перечня возможных до возбуждения дела следственных действий, после того, как этот перечень и без того не оправдано широк, значит заботиться не об обосно-

ванности проверки сообщения о происшествии, а о вседозволенности на этом этапе производства.

Резюмируя изложенное, хотелось бы поделиться собственным видением изменения процессуальных конструкций на затронутых этапах производства. Проверку сообщения о происшествии целесообразно вывести из УПК РФ и порядок действий при этом закрепить в административном законодательстве, четко прописав основания, условия и сущность допускаемых действий, а также права и обязанности участвующих в проверке лиц.

Здесь же следует предусмотреть основания и условия, допускающие фактический захват лица на месте совершения им общественно опасного деяния; допустимые сроки его доставления в компетентный орган и порядок учета данного срока в дальнейшем производстве по делу; права и обязанности лица, приобретающего статус задержанного (еще не «подозреваемого» в совершении преступления).

Содержание предлагаемых действий представляет собой не что иное, как суть той деятельности, которая ранее в России и именовалась дознанием.

После завершения в административном порядке проверочных действий по факту происшествия, материалы должны быть направлены соответствующему следователю, деятельность которого по правовой оценке случившегося и принятию процессуального решения и следует считать стадией возбуждения уголовного дела.

Список использованной литературы

1. Ляхов Ю.А. Новая уголовно-процессуальная политика / Ю.А. Ляхов. – Ростов н/Д, 1992.

2. Челохсаев О. З. Современная уголовно-процессуальная политика : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О.З. Челохсаев. – М., 2009.

3. Бойко А.И. Уголовная политика : учеб. пособие / А.И. Бойко. – Ростов н/Д, 2008.

4. Ратьков А.Н. Законы все совершенствуются, а проблемы задержания лиц остаются прежними / А.Н. Ратьков // Интеграция таможенной службы Юга России в систему международных отношений: достижения, проблемы, перспективы : материалы науч.-практ. конф., г. Ростов-на-Дону, 17 нояб. 2011 г. – Ростов н/Д, 2011. – С. 229–235.

5. Ратьков А.Н. Задержание: законодательное закрепление и проблемы применения / А.Н. Ратьков // ВЕСТНИК СИМБиП: научно-практический ежегодник (сборник статей) ; под ред. Ф.К. Мугулова. – Сочи, 2011. – С. 91–98.

6. Ратьков А.Н. Гарантии неприкосновенности личности при задержании лица по подозрению в совершении преступления (сравнительно-правовой анализ) / А.Н. Ратьков // Российское общество, государство и право: история и современность : материалы 7-й межвуз. науч.-практ. конф. и 1-го науч.-образоват. форума. – Ростов н/Д, 2013. – С. 51–55.

7. Семенцов В.А. Задержание подозреваемого в стадии возбуждения уголовного дела / В.А. Семенцов // Уголовное право. – 2010. – № 1. – С. 100–102.

8. Бургер Б.М. Квалифицированная юридическая помощь в стадии возбуждения уголовного дела / Б.М. Бургер // Общество и право. – 2009. – № 4 (26). – С. 211–214.

9. Турилов Г.Г. Задержание подозреваемого до возбуждения уголовного дела / Г.Г. Турилов, Е.И. Лукин, Е.С. Кузнецова // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / под общ. и науч. ред. О.В. Гладышевой, В.А. Семенцова. – Краснодар, 2016. – С. 349–352.

10. Александров А.С. Проект нового порядка открытия уголовного расследования по сообщению о преступлении / А.С. Александров, С.А. Грачев // Уголовный процесс. – 2015. – № 7. – С. 14–21.

11. Бычков В.В. Стадия возбуждения уголовного дела - нарушение конституционных прав граждан / В.В. Бычков // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2014. – № 1 (12). – С. 41–51.

12. Дикарев И.С. Стадия возбуждения уголовного дела – причина неоправданных проблем расследования / И.С. Дикарев // Российская юстиция. – 2011. – № 11. – С. 38–40.

13. Калиновский К.Б. «Доследственный» обыск – незаконное ноу-хау / К.Б. Калиновский // Уголовный процесс. – 2015. – № 1. – С. 8–11.

14. Калиновский К.Б. Выемка до возбуждения дела нарушает конституционный принцип соразмерности ограничения прав граждан / К.Б. Калиновский // Уголовный процесс. – 2016. – № 3. – С. 44–50.

15. Наумов А.М. Проблема выполнения следственных действий до возбуждения уголовного дела / А.М. Наумов // Российский следователь. – 2016. – № 7. – С. 8–12.

16. Овсянников И. Действия и решения на начальном этапе досудебного производства должны быть тоже законными / И. Овсянников // Законность. – 2017. – № 4. – С. 45–49.

17. Варнавский Д.А. Индивидуализация поводов для возбуждения уголовного дела / Д.А. Варнавский // Российский следователь. – 2016. – № 19. – С. 6–8.

Информация об авторе

Ратьков Александр Николаевич – кандидат юридических наук, доцент, кафедра уголовного права и процесса, Сочинский институт (филиал) Российского университета дружбы народов (РУДН), 354348, Российская Федерация, г. Сочи, ул. Куйбышева, 32, e-mail: sochiran@mail.ru.

Information about the author

Ratkov, Alexander N. – PhD in Law, Associate Professor, Chair of Criminal Law and Process, Sochi branch of Peoples' Friendship University, 32, Kuybisheva Str., 354348, Sochi, Russian Federation, e-mail: sochiran@mail.ru.